

УДК 821.161.1.09Карабчиевский Ю.
DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-75-80

Белукова В.Б.

Московский государственный областной университет

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКОЙ ПРОЗЕ ЮРИЯ КАРАБЧИЕВСКОГО

Аннотация: Статья посвящена исследованию экзистенциальных мотивов в прозе Юрия Карабчиевского 70-х-80-х годов прошлого века. «Вечные» проблемы: жизни и смерти, смысла и его утраты, свободы и ответственности, общения и одиночества – явились основными в рефлексии художника, занимали писателя до самого его трагического ухода... Поиск героя своей ниши в этой жизни был достаточно сложным: он везде чувствовал себя изгоем, истоки этого душевного состояния, коренящегося в детстве, рисуют безрадостную картину жизни целого пласта народа.

Ключевые слова: экзистенциальный, жизнь, смерть, любовь, изгойство, одиночество.

V. Belukova

Moscow State Regional University

EXISTENTIAL MOTIVES IN THE CITY PROSE OF YURIY KARABCHIEVSKIY

Abstract. The article explores existential motives in prose by Yuri Karabchievsky in the 70s-80s. Such «eternal» problems like life and death, sense and its loss, freedom and responsibility, communication and loneliness – were fundamental in the artist's reflection and kept him engaged till his tragic demise...

Pratagonist's search for his niche in life was difficult enough: he always felt like an outcast, the origins of this state of mind rooted from childhood and painted quite a bleak life picture of the significant part of the society.

Keywords: existential, life, death, love, pariah status, loneliness.

*Свобода там, где нет меня,
а там, где я, всегда неволя.*

*Юрий Карабчиевский
(«Патриотическое», 1986)*

Возникновение городов-монстров, в которых государственные механизмы пожирают человеческие жизни, породило лишённый всего живого бюрократический аппарат, подавляющий индивидуальность, перемалывающий личность в чуждую ей сущность [3, с. 309-318]. Человек вынужден либо бороться с подавлением своей индивидуальности, либо смириться. И оба этих пути оказываются достаточно трагическими.

Юрий Валентинович Трифонов, заслуженно считающийся первым представителем так называемой «городской прозы» второй половины XX века, заставил читателя задуматься над экзистенциальной сущностью человека – «его места и роли в этом мире (курсив Ю. Борева. – В. Б.)» [3, с. 309].

Считая, вслед за французскими экзистенциалистами (Ж.П. Сартром, А. Камю), «сутью экзистенциализма – примат существования над сущностью (курсив Ю. Борева. – В. Б.)», исследователь Юрий Боров делает вывод, что «экзистенциализм утверждает одинокую эгоистическую самоценную личность, живущую в мире абсурда» (курсив Ю. Борева. – В. Б.), [3 с. 309].

Однако, думается, что определение «эгоистическая» не даёт полную характеристики личности, вынужденной жить «в мире абсурда», т. к. важнейшая экзистенциальная проблема – это индивидуальные жизненные выборы, которые сводятся «к четырем главным “узлам” (каждый из них содержит в себе антиномии-полярности – в пространстве которых, собственно, человеку и надлежит делать экзистенциальные выборы): проблемы жизни и смерти; проблемы детерминизма, свободы и ответственности; проблемы смысла и его утраты; проблемы общности и одиночества» [4].

Все эти «четыре узла» пытался развязать поэт, прозаик, литературный критик-эссеист Юрий Карабчиевский (1938-1992), всю жизнь проживший в Москве, но до 1988 публиковавший все свои произведения только на Западе, получивший наибольшую известность благодаря книге «Воскресение Маяковского» (1983, Мюнхен), удостоенной премии имени Владимира

Даля (1985). В 1991 году отдельным изданием в России вышел первый сборник прозы Ю. Карабчиевского «Тоска по дому», в который вошли роман «Жизнь Александра Зильбера» (1975) и повести «Тоска по Армении» (1976) и «Незабвенный Мишуна» (1986).

В 1982 году Леонид Баткин посвятил ему такие строки:

*Хорошо бы в дни лихие
нам дожить до мартабря
и дожидаться, чтоб тебя
напечатали в России [1].*

Дождались. Напечатали. И читатель наконец познакомился с тонким поэтом и не менее тонким прозаиком, ярким представителем городской прозы Юрием Аркадьевичем Карабчиевским.

Главный город в жизни Юрия Карабчиевского – Москва: «Москва – как город, Москва – как мир, как судьба» [10]. В Москве происходит действие романа, носящего явно автобиографический характер, «Жизнь Александра Зильбера». Однако писателю свойственно двойственное отношение к любимому городу: это родной и чужой город одновременно.

С одной стороны, Москва – единственный и любимый город в жизни писателя, где ему близко и понятно всё; в лирике Карабчиевский признаётся, что

*обречён с угрюмым обожаньем
смотреть
в её (Москвы. – В. Б.) спокойные глаза
(«Трамвайная Москва», 1965) [10];*

*с другой –
Москва, из тумана возникшая,
как женщина, мне изменившая,*

устало отводит глаза («Дикие песенки», 1969) [7].

Эта Москва уже предательница, непостоянная, изменчивая. Москва перестаёт быть родной. Поэтому и его чувства к Москве тоже двойственны: он осознаёт свою неопределённость, неприкаянность, чуждость в этом городе:

*...я приёмыш и подкидыш,
не пасынок, но также и не сын»* [7].
Но то же время он констатировал:

*Я на Москву нисколько не в обиде:
я ей чужой, хоть мне она своя.
Что б ни было, я верен ей до гроба»*
(«Юбилейная прелюдия», 1969) [7].

Личное одиночество – одна из первостепенных экзистенциальных проблем, лирический герой прозы Карабчиевского очень одинок, несмотря на то что он редко остаётся один. И Саша Зильбер (роман «Жизнь Александра Зильбера»), и лирические героини повестей «Тоска по Армении» и «Незабвенный Мишуня» – «объективированные авторы» (М. Бахтин) – все говорят о своём бесконечно одиночестве, отрешённости от людей, даже изгойстве. Особенно это чувствуется в романе «Жизнь Александра Зильбера», где своё отчуждение героиня осознала уже в детстве. Отметим, кстати, что роман «Жизнь Александра Зильбера» написан не без влияния «Пушкинского Дома» (А. Битов, «Пушкинский Дом», 1964-1971; до 1978 рукопись ходила в «самиздате»; в 1978 первая публикация в издательстве «Ардис», США; в 1987 роман напечатан в журнале «Новый мир»), о чём ярко свидетельствует критическое эссе Ю. Карабчиевского «Точка боли» (О романе Андрея Бито-

ва «Пушкинский Дом») («Новый мир». 1988. № 5) [9].

Саша Зильбер, в образе которого угадываются автобиографические черты, чувствует себя изгоем, начиная с поездки в пионерский лагерь, но это очень сложное одиночество: его национальность – единственная причина его унижения и оскорбления сверстниками. По справедливому замечанию С. Костырко, «изгойство героя Карабчиевского <...> (прошу прощения за некоторую претенциозность оборота) экзистенциальное, питающее рефлексию каждого размышляющего художника» [10]. Каждая строка, описывающая страдания мальчика, наполнена детской горечью: например, отправляясь в ненавистный пионерский лагерь («у каждого, как бы ни сложилась его жизнь, есть своя лагерьная тема» – разрядка Ю. Карабчиевского. – В. Б.) [5, с.5], мальчик наперёд знает, что его будут травить, «до водить» (разрядка Ю. Карабчиевского. – В. Б.) [5, 11]: уже в автобусе он знает, что среди детей обязательно будет тот, чей взгляд бросит его в дрожь: «этот взгляд, какой он всегда одинаковый! <...> В нём нет даже злости, скорее радость: он нашёл меня. <...> Я ещё двигаюсь, трепыхаюсь, я ещё пытаюсь отвести глаза от этого жуткого перекрёстка, ещё делаю вид, что ничего не случилось, хотя точно знаю, что уже обречён» [5, с. 10]. Отец Саши погиб в 1942 году на фронте, но маленькие садисты «доводят» мальчика, не признавая этого факта: например, «умненький, гладенький, очкастый Эдик, наш “профессор”» на радость всей компании утверждает, что «евреев на фронте было очень мало» [5, с. 11], и заводит травлю, делает вывод: «папа Зильбер торговал в

палатке» [5, с. 12]. Им мало, что они это выдумали, – они бьют мальчика и принуждают его повторить их беспощадный вывод. Да, можно сказать, что дети малы, жестоки, глупы, необразованны, но вот мальчик вырос, как выросли и его обидчики, и во взрослом возрасте герой сталкивается с тем же: «Акоп долго жил в России и, видимо, хорошо усвоил стыдность и неловкость еврейской темы, тот назойливый вид, который она принимает даже в самых незначительных пропорциях» [8, с. 228].

Одиночество преследует Сашу, когда его мать «сходится» с дядей Яшей: он устал от попреков дяди Яши; бесконечно любя мать, не понимая до конца её нелёгкую долю, он устал от её лабирующего поведения между сыном и мужем, он испытывал постоянный страх «перед ненавистью своей и чужой, а больше чужой», испытывал «органическую боязнь вражды, которая была ещё, в свою очередь, крайним случаем б о я з н и н е д о б р о ж е л а т е л ь с т в а» [5, с. 38]. Если взрослый человек может «сознательным усилием воли подавить врождённый свой страх» [5, с. 39], может контролировать свои чувства, то в детстве всё гораздо обостреннее, жёстче: для Саши Зильбера ненавистно было, например, такое рядовое явление, как соревнование; уже ребёнком герой «не мог выдержать испытания противоположностью интересов, открытого желания хорошего себе и плохого – товарищу» [5, с. 39]. И, когда Саша положил на лопатки в вольной борьбе Славку Дубовского, он недолго испытывал чувство «настоящего счастья», когда он мог положить на обе лопатки кого угодно, лицо противника было таким, что

Саша ушёл из секции навсегда. Любое соревнование предполагает некую иерархию, «жестокую лесенку: лучший, похуже, совсем плохой» [5, с. 41], а эта определённая, по его мнению, бесчеловечна. Так герой, размышляя над ситуацией, прислушивается к своему внутреннему голосу и предпочитает уйти из секции как раз в тот момент, когда ему удалось победить противника. Он снова один. Он не хочет быть ни лучше других, ни хуже. Он индивидуален, а не эгоистичен. Он для ребёнка слишком великодушен, потому что этот ребёнок – думающий, сопоставляющий, делающий выводы.

Герой всегда чувствовал между собой и людьми некую преграду, и причина была чаще всего в его национальности. Единственным местом, где он нашёл понимание, стала Армения.

В повести «Тоска по Армении» есть такой эпизод: герою, приехавшему в Ереван в командировку, организовали поездку в Эчмиадзин, по дороге зашёл разговор о культурных ценностях, герой вступил в разговор и сказал, что Айвазовский – плохой художник, Сароян не армянский писатель. Реакция была ошеломительная: «Мне показалось, что заглох мотор, – такая полнейшая образовалась пауза» [8, с. 229]. И на вопрос, почему Сароян не армянский писатель, автор высказал давно обдуманную сентенцию: «Язык определяет принадлежность писателя и только язык. Джозеф Конрад говорил по-английски с акцентом, и всё же он английский писатель, а не польский. И Кафка – немецкий, а не чешский и не еврейский. Как Борис Пастернак – не еврейский поэт. И даже Мандельштам, никогда не замалчивавший своего происхождения, наоборот, с гордо-

стью его объявлявший, был тем не менее русским поэтом и только русским» [8, с. 229]. Юрий Карабчиевский признавался, что еврейским языком он не владел, знал всего несколько слов или фраз, но был по духу своему русским писателем – «отечество писателя – его язык» [8, с. 229].

В повести «Тоска по Армении» даётся образ города и даже целой страны, где герой впервые почувствовал себя в полноте своей сущности: «здесь я был настоящим русским и здесь я был настоящим евреем, и то и другое – без всякой ущербности, легко и достойно, и как хотел» [5, с. 12]. Это неизведанное ранее состояние души *без всякой ущербности* приводит к тому, что «слёзы умиления и благодарности застилают мне глаза. Старый дурак. Ну что, что тебе такого сказали? Что сказали... Вот именно, что ничего!» [5, с. 199]». Ничего не сказали – это значит не осквернили память отца, не лишили золотой медали («вряд ли мне светит институт – без медали. В этом году прогноз для евреев был особенно мрачным») [5, с. 128], не кричали ему гадких черносотенных слов [5, с. 128]. Только в Армении его оставило чувство *боязни недоброжелательства* и он смог погрузиться в «весёлую самоиронию», «лирическую печаль», «растроганность», «даже несколько наивную восторженность»: «таковы страницы, посвящённые Армении и армянам, особенно знакомству с Грантом Матевосяном. Или уморительно-смешной и трогательный рассказ о дедке в «Жизни Александра Зильбера». И в «Мишуне» тоже совмещаются беспощадная точность (таково ведь свойство всякой точности), смех, доброта и почти умиление. Его «бытовая» проза – а какой

ещё она может быть у такого писателя? – помечена шрамами поэзии» [2].

Сергей Костырко, исследуя природу лирического наследия писателя, не уходя от большого национального вопроса, явившегося главной причиной одиночества и автора, и героя, определил его так: Юрий Карабчиевский «еврей – по крови, русский еврей – по судьбе, русский – по языку, по культуре, по литературе, в которой работал и которую сам создавал» [10], что, на наш взгляд, кажется совершенно справедливым. Сам Карабчиевский утверждал: «чего не хватает в родном языке, если он не родной тебе по крови: в нём не хватает с у д ь б ы (разрядка Ю. Карабчиевского. – В. Б.). Какой бы вклад ни вносили в русский язык немцы, татары, евреи и прочие, судьба его останется судьбою русского, этого и никакого другого народа» [8, с. 212]. И жизнь и смерть Карабчиевского – его судьба – стали тому подтверждением.

Леонид Бахнов подметил, пожалуй, самую важную черту характера Юрия Карабчиевского – органичность: «Карабчиевский был на редкость органичный человек. Для него было органично писать – он писал. Для него было органично не лгать – он не лгал. Для него было органично думать и излагать свои мысли, не скругляя их и не приноравливаясь к обстоятельствам – он это и делал» [2]. И ему было очень непросто, что его поэтическое и прозаическое наследие так долго не приходило к читателю. Уход из жизни Юрия Карабчиевского был весьма трагичен, думается, что до самого последнего дня не мог он забыть все детские и подростковые обиды, определявшие его изгойство.

Наследие Юрия Карабчиевского весьма впечатляюще: «Написанному Карабчиевским ещё предстоит прорасти в нас, его читателей, прорасти в литературе, впереди у него ещё целая жизнь» [10].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баткин Л. Тоска по России // Дружба народов. 1999. № 6. // magazines.russ.ru (дата обращения 03.10.2015).
2. Бахнов Л. Автопортрет на фоне... // Дружба народов. 2001. № 10. URL: magazines.russ.ru (дата обращения 14.10.2015).
3. Боров Ю.Б. Экзистенциализм // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. М., ИМЛИ ОАН, «Наследие», 2001. С. 309–318.
4. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. Уроки Джеймса Бюджентала. Москва: «Смысл», 2001. URL: psylib.org.uaКаталог>brats01/txt02.htm
5. Карабчиевский Ю. Жизнь Александра Зильбера // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 3-184.
6. Карабчиевский Ю. Незабвенный Мишуня // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 185-296.
7. Карабчиевский Ю. Прощание с друзьями // magazines.russ.ru (дата обращения 04.07.2015).
8. Карабчиевский Ю. Тоска по Армении // Карабчиевский Ю. Тоска по дому. М.: СП «Слово», 1991. С. 297-349.
9. Карабчиевский Ю. Филологическая проза. Публикация Светланы Карабчиевской. Составление, подготовка текста, предисловие и примечания Сергея Костырко // Новый мир. 1993. № 10 // magazines.russ.ru (дата обращения 04.11.2015).
10. Костырко С. «С угрюмым обожанием...» // Новый мир. 1993. № 10. URL: magazines.russ.ru (дата обращения 04.09.2015).